

Услышав слова Хан Сизня, Син Цзюньжань оцепенел. Он ошеломлённо уставился на юношу, не веря собственным ушам.

Хан Сизнь без малейшего почтения окинул его оценивающим взглядом с ног до головы.

— Неужели господин Син полагает, что раз императорский уполномоченный слишком молод, а Третий принц годами не покидал столицы, то мы совсем не знаем жизни и нас можно так легко обвести вокруг пальца?

Син Цзюньжань холодно хмыкнул и, упрямо вскинув голову, процедил:

— Ничтожный чиновник не понимает, на что намекает господин уполномоченный.

Хан Сизнь перевёл взгляд на толпу изнурённых, истощённых беженцев за его спиной, затем посмотрел на холёные, белые пальцы уездного судьи и насмешливо фыркнул:

— В землях, вверенных заботам господина Сина, из-за наводнения погибло без счёта людей. Скажите, уездный судья, неужели по ночам вам не страшно? Вдруг их призраки придут к вашей постели требовать расплаты?

Лицо Син Цзюньжана исказилось. В его глазах промелькнула смесь ярости и раскаяния. Понизив голос, он заговорил с глубокой горечью:

— То, что в моём уезде случилась такая беда — моя вина, я недоглядел. Проклинаю тот день, когда при возведении дамбы доверился людям из провинциальной управы и не проверил всё лично. Одна ошибка повлекла за собой другую. Но за все годы службы в уезде Минъань я ни разу не позарился на народное добро! Если господин уполномоченный не верит мне, пускай отправляет людей в мою усадьбу. Общайте там каждый угол!

К концу своей речи он едва не разрыдался, закрыв лицо руками, но каждое его слово по-прежнему дышало оскорблённой добродетелью.

Хан Сизнь молча созерцал это представление, после чего повернулся к Гао Фэну:

— Гао Фэн, возьми Меч Шанфан и обыщи дом господина Сина. Всякого, кто посмеет препятствовать, казнить на месте. И доставь сюда всё его семейство.

Услышав это, Син Цзюньжань вскинулся:

— Как вы смеете?! Ни я, ни моя семья не совершали преступлений! На каком основании нас арестовывать? Неужели господин уполномоченный считает, что доверенная императором власть позволяет ему творить беззаконие?

Глядя на его яростные протесты, Хан Сизнь холодно бросил:

— Я и не ждал, что ты смиришься. Но не волнуйся, этот наследник заставит тебя выплюнуть всё, что ты успел захватить, и вернуть это измученному народу Минъаня.

Цзи Ло, наблюдавший за этой сценой, не сдержал кривой усмешки.

«И кто же уверял меня по дороге, что не станет бездумно разорять чужие дома и пускать в ход Меч Шанфан без крайней нужды? — подумал он. — Стоило только переступить порог уезда, и при первом же неповиновении он устраивает форменный разгром. Судя по всему, сегодня этот клинок окропится кровью».

Что касается Син Цзюньжання, то весь путь до уезда Цзи Ло размышлял, как заставить этого хитреца выдать себя.

В прошлой жизни укрощать разбушевавшуюся стихию в Цзяннани отправился его второй брат, Цзи Жун. Результаты той поездки восхваляла вся Поднебесная: принц уличил в казнокрадстве пятерых местных чиновников, а те под пытками сдали генерал-губернатора Лянцзяна, Чжоу Мааня.

Префект Лянцзяна Хан Пин тогда тоже оказался замешан. Если бы не заступничество Поместья герцога Хань и отсутствие прямых улик, разгневанный император лишил бы его головы. В итоге Хан Пин отделался лишь лишением чина.

Син Цзюньжань тогда выступил главным доносчиком и, несмотря на собственные упущения, благополучно спасся. Он преспокойно управлял Минъанем ещё три года, заслужив репутацию добродетельного мужа, а затем пошёл на повышение, заняв пост префекта Лянцзяна.

С тех пор он стал бездонным кошельком для Цзи Жуна на юге.

Цзяннань — край благодатный и богатый. Поговаривали, что ни один чиновник, ступивший на эту землю, не мог устоять перед искушением запустить руку в казну.

Поэтому здешние политические игры напоминали змеиный клубок. Различные фракции пустили тут глубокие корни, и какой-нибудь мелкий уездный писец вполне мог оказаться зятем влиятельного столичного министра.

В прошлой жизни Цзи Жун рвался в Цзяннань неспроста: вдовствующая императрица и клан Ши задолго до этого расставили там своих людей. Прорыв дамбы Пухэ случился слишком внезапно, и царственный отец тогда напрочь утратил доверие к придворным сановникам.

Когда цензоры предложили отправить на расследование одного из принцев, император согласился. Он долго выбирал и в итоге остановился на самом, казалось бы, безобидном сыне — Цзи Жуне.

Все казнокрады, которых позже разоблачил Цзи Жун, принадлежали к враждебным лагерям. Если среди них и оказывались те, кто знал слишком много или пытался переметнуться, принц безжалостно их уничтожал.

В этой жизни Цзи Ло собирался во что бы то ни стало помешать планам брата. Он уже приготовился приоткрыть свои карты и заявить о притязаниях на трон, как вдруг вмешался Хан Сиэнь — и всё решилось само собой, на удивление легко.

Но ещё больше его поразило то, что отец-император, вычеркнув Цзи Жуна из списка кандидатов, возложил эту тяжкую ношу на плечи самого Цзи Ло.

Очнувшись от раздумий, Цзи Ло посмотрел на Хан Сиэня и произнёс:

— Я отправлюсь вместе с господином Гао.

Раз уж Хан Сиэнь заварил эту кашу, Цзи Ло не мог оставаться в стороне. Следовало тщательно перерыть весь дом Синов и раздобыть неопровержимые улики казнокрадства. По крайней мере, когда вести дойдут до столицы, у сановников при дворе не возникнет лишних вопросов.

Гао Фэн принял приказ. Стоило ему и принцу во главе отряда гвардейцев скрыться из виду, унося с собой Меч Шанфан, как Син Цзюньжань, всё ещё распростёртый на полу, разразился проклятиями.

Будучи начитанным книжником, он обычно изъяснялся изысканно и благопристойно. Однако сейчас, то ли от душающей его ярости, то ли от безысходности, бранные слова сыпались из его уст безудержным потоком.

Хан Сиэнь перевёл взгляд на столпившихся у ворот управы простолюдинов. На их измождённых лицах проблески надежды быстро угасли, сменившись прежним тупым безразличием. Они выглядели как люди, давно смилившиеся со своей участью.

Хан Сиэнь медленно поднялся со своего места. Его звучный голос разнёсся далеко за пределы главного зала управы:

— Судья Минъаня уличён в казнокрадстве, и я, выполняя волю Его Величества, не проявлю к нему жалости! Государь отправил меня в качестве своего уполномоченного, а со мной — Третьего принца и наследника уездного князя, именно для того, чтобы вымести прочь этих алчных крыс, отстроить заново защитные дамбы и подарить вам десятилетия мира и безопасности. Серебро и провизия, что мы привезли по велению Его Величества, предназначены не для праздных утех и не для хвастовства. Мы клянёмся, что оправдаем доверие Сына Неба!

— А у тебя есть доказательства?! — прохрипел Син Цзюньжань. От пафосной речи Хан Сиэня у него защемило в груди, и он выдавил эти слова сквозь плотно сжатые зубы.

Хан Сиэнь холодно взглянул на него сверху вниз:

— Доказательства? Скоро ты их увидишь. Раз уж я заговорил об этом, то заставлю тебя признать вину.

Простолюдины у ворот управы, внимая их спору, зашептались. Страх и тревога всё ещё сковывали их сердца, но в тусклых глазах наконец-то блеснула искра жизни.

Стоявший неподалёку Бай Шу внимательно наблюдал за юношей.

«А ведь Хан Сиэнь на самом деле на редкость чуткий и жалостливый человек, — пронеслось в мыслях Бай Шу. — Хотя его слова и поступки кажутся верхом жестокости. Будь он по-настоящему чёрств, ему не было бы дела до этих несчастных с мёртвыми, остекленевшими глазами».

В итоге Бай Шу пришёл к однозначному выводу: Хан Сиэнь — невероятно загадочная и противоречивая натура.

Услышав этот мысленный монолог, Хан Сиэнь на мгновение опешил.

«Похоже, этот парень ещё слишком юн и глуп, раз не способен отличить белое от чёрного, — бесстрастно подумал он. — Не только слеп, но и в людях совершенно не разбирается. "Нежность" и "сострадание" — мне и в голову не могло прийти, что кто-то свяжет моё имя с подобными глупостями».

Что ж, если Бай Шу считал его чудаком, то сам Хан Сиэнь платил ему той же монетой.

В напряжённом молчании, воцарившемся в зале, показались Цзи Ло и Гао Фэн. Гвардейцы вели под конвоем сына уездного судьи — Син Юньци. Следом за ними, утирая слёзы, шли жена и мать Син Цзюньжания.

Матери Син Цзюньжания на вид было не больше сорока с небольшим, но она казалась глубокой, измождённой старухой со шрамом на правой щеке. Госпожа Син, его супруга, напротив, была одета изысканно и нарядно, а в уголках её глаз сквозило высокомерие избалованной женщины.

Обе женщины безутешно рыдали. Мать Син Цзюньжания, пользуясь своим почтенным возрастом, по дороге беспрестанно бранилась, требуя от Гао Фэна и Цзи Ло немедленно отпустить её ненаглядного внука.

Но стоило им переступить порог управы и увидеть распростёртого на полу Син Цзюньжания, как они испуганно переглянулись и мгновенно осекли свой плач.

Юноша, Син Юньци, оказался на удивление упитанным и бледнолицым — разительный контраст с истощёнными беженцами за стенами управы. Оказавшись в зале суда и увидев отца, прижатого стражниками к полу, он недоумённо захлопал глазами. Смерив Хан Сиэня наглым взглядом, он капризно спросил:

— Ты ещё кто такой? Что здесь происходит?

В его голосе сквозило полнейшее непонимание тяжести ситуации и глупая, детская избалованность.

Хан Сиэнь проигнорировал его выпад и устремил взор на Син Цзюньжання.

Син Цзюньжань, не обращая внимания на юношу, в упор посмотрел на Гао Фэна и Третьего принца:

— Позвольте спросить вас, господа, удалось ли вам обнаружить в моей скромной обители хоть одну медную монету из похищенного серебра?

Цзи Ло выслушал этот издевательский вопрос с каменным лицом, тогда как Гао Фэн заметно смутился. Избегая взгляда Хан Сиэня, он нехотя доложил:

— Наследник... в усадьбе господина Сина краденых средств не обнаружено.

На самом деле на душе у Цзи Ло было беспокойно: он всерьёз тревожился за Хан Сиэня.

Семья уездного судьи ютилась в тесных жилых покоях позади управы. Обстановка там была более чем скромной, да и прислуги почти не держали.

Когда гвардейцы ворвались в дом, Син Юньци преспокойно уплетал сочное мясо — и ел он с такой жадностью, словно был одним из тех голодранцев за городскими воротами, что дерутся за лепёшки из отрубей. Обыскивая усадьбу, воины перевернули всё вверх дном, едва не разнесли по кирпичикам весь задний двор, но так и не нашли тайника с серебром.

Устроить погром без императорского указа и ничего не найти — за такую провинность Хан Сиэню не поздоровилось бы даже перед лицом государя. И всё же Цзи Ло знал наверняка: Син Цзюньжань — верный пёс Цзи Жуна, а значит, чистыми его руки быть не могли по определению.

Если бы они вели расследование постепенно, зацепки непременно нашлись бы. Но Хан Сиэнь с порога приказал хватать семью, и теперь положение уполномоченных стало крайне шатким.

Что касается Гао Фэна, после своего доклада он мысленно прощался с собственной головой, предчувствуя скорую казнь по возвращении в столицу.

Син Цзюньжань торжествующе расхохотался. Вскинув подбородок, он с вызовом бросил Хан Сиэню:

— Господин уполномоченный! Будьте уверены, я направлю Его Величеству прошение и доложу о вашем высокомерии, произволе и попрании законов Поднебесной!

Хан Сизнь лишь скользнул по нему равнодушным взглядом и, приподняв бровь, бросил Гао Фэну:

— Пороть.

— Пороть? — Гао Фэн растерянно захлопал глазами. — Кого... Кого именно? Уездного судью?

«Неужели после неудачного обыска он решил выбить признание силой? — испуганно подумал гвардеец. — Но ведь Син Цзюньжань — государственный чиновник! Пытать его прилюдно — неслыханное беззаконие!»

Хан Сизнь медленно перевёл взгляд на побледневшего Син Юньци и бесстрастно произнёс:

— Раз улики нет, значит, господин Син чист перед законом. За что же мне его бить? Я приказал наказать этого щенка, который посмел раскрыть пасть на императорского уполномоченного. Я — уполномоченный Его Величества. Всякий, кто выкажет мне неуважение, заслуживает суровой кары. Разве я не прав?

Цзи Ло едва заметно усмехнулся и слегка подтолкнул застывшего Гао Фэна носком сапога. Тот мгновенно пришёл в себя. Взглянув на трясущегося от страха, упитанного барчука, он махнул рукой гвардейцам. Те мигом скрутили Син Юньци и повалили его на холодный пол.

Когда палачи занесли тяжёлые бамбуковые палки, мать Син Цзюньжана с визгом рванулась вперёд. Растолкав стражников, она закрыла собой внука и неистово закричала:

— Попробуйте только тронуть моего мальчика! Сперва убейте меня!

Упав на внука, она яростно уставилась на онемевшего Син Цзюньжана. Слёзы ручьями текли по её избороздённому морщинами лицу:

— Ты рос сиротой! Я спину гнула, впроголодь жила, чтобы вырастить тебя! А теперь моего ненаглядного Юньци забьют до смерти на твоих глазах?! Он же слаб здоровьем, он не перенесёт побоев! Если ты позволишь этим псам коснуться его пальцем, твоя мать сейчас же разобьёт себе голову о камни!

Хан Сизнь лишь насмешливо хмыкнул, наблюдая за этим представлением. Окинув холодным взглядом бледного судью и бьющуюся в истерике старуху, он негромко произнёс:

— Не знал, что законы Великой Чжоу изменились настолько, что престарелые матери уездных судей теперь могут распоряжаться в суде. Очевидно, в Минъгане власть принадлежит вовсе не чиновникам, а капризным старухам. Делаю скидку на твой дряхлый возраст и помутившийся рассудок, а потому не казню за неуважение к суду. Стража, убрать её! Бить!

Повинуясь приказу, гвардеец бесцеремонно оттащил вопящую старуху в сторону.

Тяжёлые бамбуковые палки со свистом обрушились на ягодицы Син Юньци. Парень взвыл от

нестерпимой боли, катаясь по полу. Его мать и бабка заливались горячими слезами, оглашая зал истошными криками.

Уже после третьего удара Син Юньци взмок от пота. Он в ужасе уставился на отца, истошно вопя:

— Отец, спаси! Умоляю, спаси меня! Бабушка, мне больно! Из-за отца меня убьют! Матушка, помогите, умолите их остановиться! Пожалуйста, хватит!

К десятому удару одежда на бёдрах юноши пропиталась кровью.

Хан Сиэнь, бесстрастно наблюдавший за казнью, перевёл ледяной взор на Син Цзюньжана и вкрадчиво спросил:

— Позвольте задать вам вопрос ещё раз, господин Син. Где спрятано награбленное серебро?

Пока он говорил, бамбуковые палки ещё дважды с глухим стуком опустились на истерзанное тело парня. Глаза Син Юньци закрылись, он был на грани обморока.

Син Цзюньжань помертвел. Его губы беззвучно шевелились, но он не мог вымолвить ни слова. В его глазах застыл дикий, животный страх. Он не понимал, откуда этот юный дьявол узнал о самом уязвимом месте его семьи и как умудрился нанести столь точный, сокрушительный удар.

Пока судья безмолвствовал, его престарелая мать не выдержала. Вырвавшись из рук стражников, она рухнула на колени и вцепилась в ноги палача:

— Пощадите! Пожалуйста, не бейте его больше! Я скажу... скажу, где серебро! Оно в подвале загородного поместья Син, у Южных ворот! Все эти богатства брали мы с невесткой Цзян! Мой сын и внук ничего об этом не знали, клянусь! Они не виновны, это я... это всё моя вина!

С этими словами старой госпожи Син последняя надежда уездного судьи рухнула — он без сил повалился на пол. Его жена, госпожа Цзян, истошно взвизгнула:

— Господин уполномоченный, я не брала ни единого цзян! Я и знать не знала...

Договорить ей не позволила свекровь, одарив столь свирепым, испепеляющим взглядом, что невестка мгновенно осеклась и затрепетала всем телом, растеряв остатки спеси.

Хан Сиэнь даже не взглянул на женщин. Он обратился к Гао Фэну:

— Выведай точный адрес и немедленно отправь туда отряд. Отыщите серебро.

Указав точное местонахождение тайника, старуха зашлась в судорожных рыданиях и взмолилась:

— Я рассказала всё... Всё дочиста! Умоляю, пощадите моего внука!

— Подробно запишите, откуда взялись эти деньги, и приложите палец к признанию, — холодно приказал Хан Сиэнь. Затем он бросил безразличный взгляд на бесчувственное тело юноши: — Что касается твоего внука, за проявленное неуважение к императорской власти я имел полное право лишить его головы, невзирая на ваше казнокрадство. Однако, учитывая его молодость и глупость, на сей раз я проявлю великодушие.

Глухие удары прекратились. Истерзанный Син Юньци лежал без сознания. Хан Сиэнь медленно повернулся к притихшему Син Цзюньжаню. Каждое слово юноши разило острее клинка, безжалостно вонзаясь в самое сердце поверженного врага:

— Ну что, господин Син? Быть может, теперь вам есть что сказать?

<http://bllate.org/book/20088/2002005>